

Телега

The painting depicts a bright, glowing bonfire in the center, with yellow and orange flames and red embers. The fire is set within a dark, circular, tunnel-like structure, possibly a cave or a well, with rough, textured walls. The overall mood is dramatic and intense, with strong contrasts between the light of the fire and the deep shadows of the surrounding space.

Дмитрий Филин

Дмитрий Филин

Телега

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70603747

SelfPub; 2024

Аннотация

Мечта о лучшей жизни, о другой жизни – тяжкое испытание, которое ведёт человека через нелёгкие выборы, сильнейшие эмоциональные переживания и надлом личности.

Дмитрий Филин

Телега

Колеса телеги хлябали по грязи, оставляя за собой тонкую колею, которую сразу заливал дождь. По правую сторону от старой лошади шёл молодой парень в крестьянской одежде: подпоясанный конопляной веревкой и весь промокший; держая за уздечку, он заставлял уставшую лошадь двигаться вперёд. В телеге, накрытой небольшим брезентом, сидела женщина преклонных лет, мальчишка лет пяти; на полу лежал укрытый меховой накидкой старик. В углу лежали съестные припасы: то, что успели собрать дома перед бегством.

***

Ветер легко обдувал рубаху Васи, на воротнике которой мать вышила узоры; солнце стояло уже высоко, а поле всё не кончалось – сенокос был неприятным, но необходимым занятием, единственным, что ему светило по происхождению.

С левой стороны, метрах в десяти от него работал отец; рядом с ним, по бокам, работали ещё два мужика – полоза этой человеческой машинки тянулась на несколько сот метров, и не очень ясно было, где заканчивалась. Движения синхронных кос поражали и напоминали танец очень искусённых в изяществе людей. Сзади бегал его маленький брат, Егор – собирал уже высохшую скошенную траву своими руками

До обеда оставался ещё час, руки, покрытые многослойными мозолями, болели. Мышцы напряглись, а кожа зудела от укусов мошек и пауков. Усталость уже не лежала на него тяжким грузом, как было в начале лета – к любой жизни привыкаешь, когда не видишь дальше, чем несколько холмов и мелкая речка за пригорком.

Из раздумий его вывели неожиданные крики мужиков, работавших с отцом. Он оглянулся: отец лежал на свежескошенном сене, на которое текла кровь с правого веска отца. Вася рванулся к отцу; вместе с мужиками они оттащили отца в дом и положили на печь, мать промыла рану и заложила её размоченными травами. По дороге обратно Васе стало известно, что отец во время очередного замаха покачнулся и упал, попав под идущую по траве косу.

***

Телега выкатилась на небольшой перекресток, соединявший юг и восток, и уходящий на северо-запад. Дорогу всё больше размывало, капли дождя навесили пелену на глаза Васи. Кобыла шла неохотно, и копыта застревали в грязи.

Вася тащил лошадь за собой медленно приближаясь к перекрёстку, когда на встречу им вышел похожий на бочонок старик. Одежда и внешний вид сразу выдавали в нём купца: лицо, пышно украшенное бородой и мимическими морщинками на лбу, очень хорошо выстроенные кожаные сапоги, небольшая приземистая меховая шапка и кафтан. Жизнь явно не готовила незнакомца к таким испытаниям на дороге

с ярмарки. Подойдя к Васе, он, задыхаясь, поклонился:

– Помогите, добрый человек, телега моя скакнула на кочке, и вот я смотрю, а колесо уже полетела с пригорка. Домашние мои поотбивали себе всё, вещи полетели с сундуков – помоги, в долгу не останусь. Со мной только дочка да жена.

Лицом Вася не выдал неприязнь к незнакомцу: уж больно хорошо пел, как и полагалось купцам, но от этого желание брать их с собой с хозяйским скарбом больше не становилось, тем более, что они шли не слишком законно и честно:

– У отца спрошу, коль примет Вас, так довезу куда надо!

Вася всучил вожжи купцу и направился к приоткрытому кусочку палатки. Отодвинув ткань, он увидел, что вместо старика, закутанного в одеяла, его встретили горящие янтарным светом глаза. Осадок от увечий не исчез: лицо было изможденным, но не мертвенно-бледным. Когда сын открыл занавеску, отец приподнялся и прислонил свою спину к деревянной стене телеги:

– Идиот ты, Васька, куда ты нас потащил? Августов день наступил? Думаешь, жизнь там лучше, али что? Мог бы встать и дал бы тебе по лбу, – укор отца прозвучал грозно, но как будто наиграно: как некоторая формальность, которая должна быть соблюдена отцом, если сын творит глупость.

– А зачем мы остановились? Приехали, небось, в райскую обитель?

– Отец, – это слово ему пришлось выдать, – на улице

стоит купец, просит взять его семью с пожитками к нам: телега, видите ли, его сломалась. Я думаю, что брать его не стоит: мутный он и явно чертей в нём не оберёшься.

– А тебя думой ещё никто не обременял – тащи его сюда, и к семье его поезжай, куда укажет.

План отца сразу не понравился Василию, но перечить в такой беспокойной ситуации казалось ему смертельным. Он снял ногу с телеги и пошёл к коню – пригласил гостя внутрь, пока тот залезал под настил, Вася, взяв мокрые волосы коня в копну, медленно сливал воду на землю.

Как только гость залез в телегу, из-под брезента показалась голова матери:

– Езжай направо, они не так далеко от перекрестка!

Вася взял вожжи и медленно направил лошадь в путь.

***

Прошло три дня с того момента, как отец потерял сознание. Он несколько раз приходил в себя, мать ухаживала за ним, меняя травы. Два дня назад через деревню проходила дружина, которую разбили на реке, находящейся в двухстах вёрстах ниже по течению. Дружинники не остановились в деревне, чтобы отдохнуть. Они потребовали у старосты провизии, и, забрав всё, пустились дальше.

***

Через некоторое время кобыла доплелась до ярко украшенной ярмарочной телеги. Колеса действительно не было, и повозка стояла на одном боковом колесе. Мгновенно из-за

телеги мелькнули маленькие карие глаза жены купца:

– Помогите нам! – крикнула она.

Подбежав к нему, она продолжила:

– Наша телега сломалась, и мы с дочерью остались ждать мужа, который ушёл за подмогой, Вы его не видели?

– Ваш муж сидит в телеге. Мы приехали за вами. Берите дочку и залезайте внутрь, – чуть процедив, сказал Василий.

– Ох! Господь, благослови Вас! Постарайтесь забрать всё. Мы в долгу не останемся. Женщина забежала в телегу, позвала с собой дочь – было ей лет пятнадцать, и они залезли под ткань, которая уж окончательно промокла. Подвязав коня к растущему поблизости дереву, Василий отправился к повозке. Повозка оказалась забита пушниной. Забрать всё означало потерять вторую повозку. Вася перетащил пару сундуков, наполненных под завязку – оставшееся добро он благоразумно вытащил, отойдя в ближайший лесок, Вася прикрыл сундуки ветками и посыпал землёй. Это вряд ли помогло, но оправдаться было необходимо. Вернувшись к телеге, Василий отцепил купеческую лошадь и запряг её в повозку – почувствовалось облегчение его старой кобылы, которая еле стояла на ногах.

Немного проехав по дороге, Вася нашёл широкое место, развернул повозку и отправился обратно к перекрёстку.

***

Покос ещё не закончился, поля потихоньку редели. Солнце развивалось далеко на западе, за спиной Василия: удар в

голову подкосил ноги Васи, в глазах поползли пятна, и сильное онемение заставило его рухнуть на землю.

Свет, небесный свет, благодать...

Голос... его собственный голос...

Странная, разукрашенная телега, что стояла у помещика на заднем дворе усадьбы...

Стройная хлябь копыт и шум ливня...

Огонь...

Тление...

Сильный ветер подул в лицо – глаза открылись... свет... глаза снова открылись, и Василий оказался лежащим на земле.

***

Купец оказался малословным, тяжёлая отдышка и нависший, пропитанный водой кафтан, душили и тянули его к земле. Купец вёл себя скромно – на предложение снять одежду и сапоги легко, с натягом, отказался и снял только кафтан. Разговор начался, когда домашние его взобрались в повозку и она тронулась. Прошло несколько минут, как сам купец прервал нелегкое молчание:

– Тоже бежите от войны? Хорошо, что мы встретили таких добрых людей, – он развёл руки и мысленно приподнял своих домашних.

– Да, спасибо Вам огромное, – поняв намёк мужа, сказала жинка, сидевшая по правую руку от него, – мы молимся за ваше здоровье и обязательно поставим свечки за ваше бла-

гополучие, как вернется домой.

Лестные слова бегали, как и её глаза, то к отцу семейства, то к матери. Когда она закончила говорить, последний взгляд упал на старика.

– Спасибо вам, за прия... – фразу оборвал купец, толкнувший в сторону мужика один из сундуков набитый мехом.

– За чудесной спасения, Бог может быть сам оставил нам эти сундуки, чтобы отблагодарить вас.

Глаза отца померкли, и его тело ещё не окрепло от прошлых испытаний, как болезненные ощущения от происшедших событий полезли к голове.

– Спасибо... спасибо, – голос старика дрожал. Несмотря на слабость, он оторвал спину от стены повозки и, расшаркиваясь, подошёл и расцеловал руку купцу и затем и его жену. – Ох, спасибо... спасибо, храни вас господь...

Первый раз в жизни отец почувствовал, что сын может оказаться прав и где-то там есть другая жизнь. Не прошло и секунды, как хозяйка с такими же выкриками поднялась со своего места и ещё с большим почтением выказала свою благодарность.

Минутное преклонение перед гостями было закончено: почувствовалось некоторое спокойствие и облегчение – гости сняли свои мокрые вещи, разложив их по ближайшим сундукам, купец, подбоченившись, занял больше пространства на полу комнаты:

– Что же, вы купцы? – кашель подбил его вопрос.

– Да, – выдавил старик, отчеканив от зубов. Было ощущение, что, если бы вопрос был, – "Вы воры, которые пытаются бежать с земли", – то ответ был бы такой же. Хозяйка подхватила слова мужа и продолжила:

– Мы не ожидали, что бои настигнут нас так быстро, ничего не успели забрать и даже вещи пришлось взять у местных крестьян. Едем из деревеньки Тульцы мы.

– Приятно, а чем же торгуете, если не секрет? Потерять весь товар – большое горе для купца – он улыбнулся старому "купцу", который вновь сполз на пол телеги.

– Медом, и немного солью, – влезла, перед мужем, жена.

– Очень и очень горюем о потере, очень и очень благодарны вашему подарку...

Купец хрипло закашлялся. На этом разговоры в телеге затихли...

***

С обморока прошло около недели. Работа в поле не оставляла Ваську. Когда отец заболел, на его плечи легли все обязанности по участку. Мальчишка, его брат, вряд ли бы сильно помог, и Вася с трудом осиливал каждую следующую чету. Пасмурное небо над головой чуть светлело, несколько ярких лучиков пробивались сквозь пелену дождевой тучи. Тонкая серая линия горизонта разорвалась пыльным чёрным дымом над соседней деревней. Вспышка огня блеснула в голове Василия. Он вспомнил всё, что случилось: огонь – пожар нападающих, телега – единственное спасение, а за

ним благодать и... дом.

Бросив приросшую к рукам косу, он подхватил брата подмышку и понесся к лачуге.

Через несколько секунд они уже были у дома; когда Вася вбежал в дом, времени на объяснения уже не оставалось:

– Матушка, смерть идёт по наши души, захватчики уже едут к нам, они убьют всех и сожгут!

– Что, что случилось, Васютка?

– Все, все умрём, коль не уберемса! Собери еду и отца, сейчас же уезжаем!

– На чём, на чём же?! – Васька уже выбежал из избы, и прытью понёсся к дому помещика.

Дом помещика поднимался высоко над приземистыми избушками крестьян, что жили в округе. Помещик выехал из усадьбы несколько дней назад со своими домашними в сторону уходящей дружины. При доме он оставил пару слуг, которые должны были дожидаться возвращения хозяина и следить за бытом.

Васька прошмыгнул вдоль забора усадьбы и перепрыгнул его в месте, где тот немного просел от ближайшей зимы. Конюшня была заложена небольшим поленом, которое Васька отодвинул и протиснулся в просторное помещение: в стойлах не было коней, ржание, что всегда доносилось из этой части деревни, не слышалось. Вася прошел почти до конца, как услышал глухое дыхание: в последнем стойле прислонилась к стене старая кляча. Взгляд, некогда сильной лошади, был

пустым. Мальчишка отодвинул дверь загона и легко прикоснулся к лошади, провёл по носу и почувствовал тяжёлое болезненное дыхание. Пригладив её, он надел на неё сбрую и вывел из конюшни. Подтянул её к старой расписной телеге, которая стояла там же, возле конюшни, и вывел телегу на улицу.

“Телеги никто не хватится”, – подумал Васька и быстрым шагом привёл клячу к дому. Мать, увидев сына, вышла во двор. Глаза её наполнились слезами, и она бросилась к нему на грудь, чуть не свалив его на землю. Он посадил её и брата в телегу, перенёс вещи, перетащил и уложил отца. С неба упала первая капля, и повозка тронулась от дома.

***

Через несколько минут повозка вернулась к перекрестку. Пересечение дорог всё меньше представляло желательный путь, и всё более напоминало единственно возможный маршрут. В этот раз телега направилась в нужном направлении – подальше от бушевавших позади погромов и убийств. Последней радостью для Василия оставались лошадки – мерного шага больше не слышалось, кони не ждали напряжения удечки, чтобы двинуться вперёд. Сейчас они гнали Васю, заставляя его двигаться быстрее с каждым шагом.

Дождь немного поуспокоился, приземился и старался не докучать и так уже изрядно побитой повозке. После перекрестка, который была далеко позади, дорога сильно не виляла, спустя час, к заходу солнца, они добрались до моста

через реку. На самом деле, добраться до самого моста было сложно – очередь к пропускному пункту тянулась до небольшого пригорка, на котором остановилась повозка Василия. На пропускном пункте стояла пара вооруженных человек, по обе стороны реки раскинулись несколько сот дружинников, через мост виднелся на скорую руку разбитый полевой лагерь.

Повозка остановилась, с Василия текли холодные, пронзающие кожу, капли пота. Быстро привязав коней к ближайшему кусту, Вася пробежал к входу в телегу и впрыгнул в гулкой обоз. В повозке отец перекидывался словами с купцом, который охотно разложился рядом со своими сундуками, распластавшись по всему полу. Обезумевшие глаза Васи несколько напрягли присутствующих и заставили немного притихнуть:

–Ттттт...там дружина, – голос не то, что не мог лететь, полз он неохотно, в горле встал кадык, прикрыв дыхание. – Что делать, Тятя.

Отец приосанился, приподнялся со стенки повозки; взгляд, кинутый им на сына, осёк того:

– Не волнуйся, чего шумишь? Нам честный людям чего бояться? – нервно глянув, сказал отец, – иди да...

Тут голос отца прервался сильным густым голосом купца:

– Не беспокойтесь, как я понял, – он немного ухмыльнулся, – Вы впопыхах забыли проездную грамоту? Ничего страшного, у меня своя осталась – я нас и провезу, – рукав

рубахи залез за пазуху кафтана и достал меченый кусочек бумаги. – Вези нас Васька, а там я разберусь.

Отец лёгким нервным движением махнул сыну с намёков, и принялся раскланиваться перед купцом за его щедрость и понимание. Когда Васька вылез из телеги, веревка, которую он привязал к кусту с дикой охотой грызлась закадычной парочкой лошадей. Отпугнув лошадей по местам, Васька подвёл повозку к началу шумевшей очереди и принялся отмокать под дождём, который по прошествии получаса снова усилился.

В заторе на мосту и на всё протяжении пути до него выстроилось множество красивых и расписных повозок – не вызывало сомнений, что в каждой из них сидит купеческая семья, считающая заработанные на последней ярмарке деньги и жалующаяся на низкие доходы, пока отец семейства, а скорее всего его сын, стоит под дождём и с такой же лютой ненавистью смотрит на небо, с которого, не прекращаясь летят капли ненавистной влаги. В благоухании цветов и красок на обозах, скромная телега выглядела неестественной и даже настораживающее.

Василий очень медленно пробирался к переходу через реку – солнце прошло около четверти своего пути, пока они не приблизили к мосту на расстояние в несколько косых сажень. Последнюю перед ним повозку пропустили, и Васюка подвёл свою упряжку к сторожевому, одетому в тускло-серый ношенный кафтан. Сторожевой ничего не сказал, но мно-

гозначительно посмотрел на Васю: глаза его пробежали по старой повозке и по одежде кучера. Не сказав ни слова, Васька всунул в руки дружинника поводья и впрыгнул в телегу. В телеги всё было готово к представлению: купец надел свой подсохший кафтан и вышел на улицу, хлопнув Ваську по плечу. Отец смотрел на сына совсем другими глазами нежели пол дня назад:

– Держи! – он протянул сыну огромный кусок пушнины. – Иди, иди за ним, не заставляй долго нас здесь оставаться.

Васька схватил пушнину, забил её за пояс и выбежал из повозки. Звук ударил его по голове и выволок из грёз:

– Они там, в телеге, скорее всего бегут от помещика... да, да... да крестьяне они крепостные, кто же ещё...

По телу Василия прокатился импульс: мгновение, и он кинулся в ледяную воду и поплыл по течению, пока не скрылись из виду повозка, холмы и мост.

***

Через пол часа телега тронулась, купец вёл под уздечку двух смелых запыхавшихся лошадок; моментами на лице купца прыгали недоверчивые глаза: когда "бывших владельцев" телеги высадили и увели, купец отдал грамоту и печатью на бумаге пересёк тонкий мост через реку. Купец не мог поверить, что где-то вниз по течению, на берегу, сидит Василий и с ненавистью в душе готовится к нападению. Приятно было думать, что Васька не выжил – целый день под дождём, ледяная вода и пороги реки должны были сделать

такие нужные действия.

Ползти по грязи оказалось не столь легко, поэтому спустя несколько часов весь уставший и грязный купец залез в телегу, где сидели его дочь и жена.

– Нужно делать привал... Долго я так не пройду.

– Замерзли мы уж, нужно найти кров да побыстрее, – жена махнула на дочь, которая вся укуталась в ярмарочную пушнину и всё равно тряслась как осина.

Медлить было нельзя и купец, спрыгнув с телеги повёл её с большим энтузиазмом: пот струился по лицу, заливался в глаза и легко их пощипывал.

Лес, лес и лес шёл, обступал и подкрадывался к телеге всё дальше забирая надежду на отдых и ночлег. Дождь шёл уже не первый час, но не было сомнений, что за тучами солнце скрылось за горизонт, не издав и последнего лучика.

Купец не ощущал себя больше сильным, что был при первой встрече с этой повозкой: он поник и привязался к уставшим лошадям; поводья оплели его руку и всё выше поднимались, подбираясь к плечу. Отчаяние – вот, чем был лес – он игрался с путниками, что изнемогали от холода и усталости.

Вспышка, небольшая яркая вспышка, чуть правее заросшей берёзой горы, вырвала купца от пленительной пустоты падающих капель. В глазах "извозчика" блеснул вход. Решение направится туда не стоило ни секунды раздумий.

Телегу пришлось бросить за несколько сотен шагов от

входа в пещеру: повсюду простирались корни. Выбравшись из повозки, купцы направились ко входу. С собой оставалась только лампа, которую принёс Василий в одном из сундуков.

Вход оказался тёмным, по обе стороны его смыкали корни. Купец зажёл лампу и пошёл через пелену мрака, которая без особого желания разошлась перед ним. Следом зашли дочь и жена. Попав внутрь, девочка почувствовала омерзительный запах – секунда и рвотные позывы облегчили её:

– Тятя, стой! Здесь отвратительно!

– Ростислав! Куда ты... тут живёт дьявол, – жена поддерживала дочь, которая не могла отойти от запаха.

Отец семейства продолжал путь, не оборачиваясь на слова жены:

– Если охотно мёрзнуть, то вы можете побыть снаружи – здесь вас никто не держит, – в голосе почувствовался тяжёлый приказной тон, что не оставлял права выбора.

Заткнув носы, обе спутницы прошли за мигающим огнём глубже в пещеру. Чем дальше проходили путники, тем уже становился проход, сводился к узкой округлой тропинке и почти обрывался, но к концу заметно расширился и выходил на подземную площадку. Когда из входа показались дочь и жена, Ростислав оббежал уже каждый угол грота.

– Идите сюда, – он рванулся с одного конца пещеры и подлетел к измученным невольницам, схватив их под руки, он протащил их к ближайшей от входа стене – на ней было несколько засечек и по какой-то причине оттуда бил яркий

голубой свет:

– Ах! Молодец я у вас; смотрите, смотрите же! – купец указал на полосы света. – Гора выходит здесь: за этой стенкой находятся наши лошади – мы сможем развести костёр, – резким движением он качнул руки жены и радостно подбросил их вверх. Он не показывал лицо, постоянно отворачивая его от фонаря, который сам держал. Супруга, не понимая, что происходит, с некоторым недоверием отнеслась к такому жесту.

Они с дочерью не успели опомниться, как отец вновь рванул их с места и направился в самую тёмную часть пещеры: пробежав пару метров он остановился и поднёс лампу к каменной поверхности стены – очертились наскальные символы, разобрать которые было невозможно: линии переходили друг в друга, упирались в тупики, где заканчивалась стена, и продолжались на другой стороне стены:

– Вот, вот, очень интересно?! Вы понимаете? Это же символы Уда! — произнеся эти слова, Ростислав чуть не подпрыгнул.

– Уда?! – лицо матери и жены преобразилось: камень, что был позади неё, слился с цветом онемевшего испуганного лица.

Аккуратным движением пальцев она вцепилась в руку дочери. Подтянув её к себе, мать рванулась к выходу; дочь, не ожидавшая столь резкого побега, спустя пару шагов запнулась и потянула мать за собой – в секунду их попытка побе-

га провалилась. Попытка встать оказалась пресечена сразу – отец тушей навалился на двух хрупких женщин:

– Стойте! – слово началось твёрдо, а закончилось мягко и просительно. – Уда – существа войны, они не убийцы, а вечные войны.

Жена лежала на животе, лицо вдавилось в смердящую землю, повернуть голову было невозможно – так сильно её прижал муж. Крик дочери смутил отца и дал возможность повернуться: вокруг дочери расположилось целое кладбище; дочь упала, запнувшись об одну из костей, валявшихся бугристым ковром по небольшому участку пещеры. Когда мать повернула голову, то увидела, как её дочь, погребенная в мелкие раздробленные кости, тонет в мягком грунте пещеры:

– Стой, что ты делаешь, Ростислав?! – мать забилась в истерике в попытках вырваться.

– Успокойтесь... – голос Ростислава был вдумчивым и мерным.

Когда жена и дочь обмякли и перестали сопротивляться, отец отпустил их и даже подал руку измождённой жене. Блеск глаз отца в отсутствии света лампы, вновь подкосил ноги жены так, что она чуть не упала на прежнее место:

– Что! Что с тобой, Ростислав?! Где мой муж! – жинка толкнула его в грудь, но массивное тело мужчины не двинулось с места.

– Успокойся, – резким движением руки он схватил жену

за запястье – она сразу онемела. – Со мной всё хорошо... Возьми-ка Зюечку и присядьте там, – он указал на угол рядом с щелями. – Сейчас мы разведём костёр и согреемся, – интонации и речь принадлежали старому купцу, которого всю жизнь знали его жена и дочь, но что-то совершенно неуловимое и мимолётное прожигало каждое его слово.

***

Выход из пещеры был один – тот, что использовал Ростислав, когда заносил новую охапку дров с улицы; бежать не было смысла, по крайней мере пока глаза главы семьи не сходили с её членов.

Каждый раз дрова, которые заносил муж, оказывались сухими, несмотря на непрекращающейся весь день дождь, что пробивался через небольшие трещинки в горе вместе с лунным светом. Для побега хватило бы и минутной слабости мужа, но существо, которое им претворялось, оказалось бдительней любой стражи крепости.

Отец развёл костёр; обе женщины придвинулись к расплывшимся языкам пламени, что дали свет небольшого закутка пещеры. Секунда к секунде, сливалось время, проведённое в чахнушем заброшенном святилище давно умершего народа. Затхлая безнадёга сливалась с едким дымом берёзы: огонёк пробежался по лицу матери, перебежал на отца, забрал остатки света в его янтарных глазах и погрузил их во тьму. Мгновение, и огонёк оказался на лице дочери, которая всё время после начала суматохи молчала: глазки, и без то-

го узкие, свернулись улиткой и посерели под каменным гробом, губы, аккуратные и яркие, опухли, обернувшись в двух больших хрущей.

Огонь разгорелся и начал согревать путников; сильный страх, что не пропал у измученной и грязной купчихи постукивал по виску, с каждой секундой увеличивая напряжение.

Шорох...

– Вот! Наши господа! – послышался шелест веток далеко у входа. – Ты пришёл за на... – удар, который пришёлся чуть ниже темени, повалил огромного мужа на землю: за спиной маленькая и растерянная стояла его жена, державшая обеими руками покрытую копотью и несколькими угольками толстую ветку.

Мать толкнулась вперёд, но не слушались ноги – она стояла прикованная в двух метрах от костра, рядом с которым грела свои руки дочь – она не моргнула, когда отец упал бездыханным телом, а на потуги матери даже не взглянула. Шелест веток затих – вместо него появились звуки скрежета и дыхания, что становились всё ближе: такт шага неизвестного существа тушил костёр, который ни в силах противостоять, терялся в застенках святилище, оставляя лишь тонкие струйки надежды у ног женщин.

***

Вниз по течению были бесхозные леса: люди здесь часто не ходили, а если и встречались, то были лесниками.

Почерневшую рубаху прибило к берегу в трёх вёрстах от

моста. Далее по реке были горные пороги, которые не оставили бы Василию шансов – поисковые работы завершились и отряд вернулся в лагерь, сообщив о смерти юноши.

Василий очнулся под большим слоем ила, которой собрало тело, пока скатывалось по реке. Вонзившись пальцами в толстый слой, Василий отодвинул значительную его часть: под грязевым одеялом просияли бесчисленные, испещрившие тело Василия, раны. Попытка встать подкосила его ноги, у груди мышцы стянулись, и пронзительный хриплый кашель всколыхнул всю округу. Прижав руки к животу, он присел и долго не мог опомниться: голова кружилась, на виски давила температура.

Понадобилось около получаса, чтобы смертельно больной человек пришёл в себя, взял застрявшую в иле палку, и опираясь на неё, вылез из реки и направился вглубь леса.

***

К восходу Вася вышел на опушку: ближайшим ориентиром, разделяющим весь лесной массив на две половины, была гора, что покоилась на соединении всех дорог за рекой. Чтобы добраться до неё, у ослабшего Василия почти не оставалось сил, но лишь этот путь огибал беспросветную чащу. Опираясь на новую, только что найденную, корягу, Василий направился к горе.

Лес был практически мертвым: изредка встречались насекомые, что сразу скрывались за ветками деревьев и листьями травы. С каждым шагом Василий бледнел, тело его по-

крывалось засохшими сгустками крови, которые при резких движениях отпадали, и новая кровь заполняла открывшуюся рану.

Преодолев последний крутой подъём, Василий поднялся к подошве горы. Его эмоции отмерли, когда за пригорком чуть выше он увидел знакомую телегу. Спустя минуту он оперся на бок родного коня, что своим сильным телом, поддерживал его ослабевшее от ран тело.

– Отвяжу вас, что ж вам тут покоится, – слова не вырвались из его рта, но прозвучали в душе.

Уздечка упала на подсыхающую землю – лошадь не шелохнулась. Стоило снять узду с купеческого коня, как обе кобылы бросились в маленькую тропку чуть дальше повозки. Василий опешил и приготовился бежать за ними, но ноющее тело оставило его. Ржание, которое издавали лошади, резко прекратилось. Схватившись за палку обеими руками, Василий прошёл вглубь леса. Вход, покрытый ветками, разошёлся, из-под земли послышалось ржание.

Омерзительный запах, который окутал Василия, подтолкнул его во тьму. Подземная комната была освещена маленькими трещинами, по всей комнате были разбросаны тела; лошадей, что позвали его сюда, не оказалось. Василий подошёл к одному из тел:

– Жена купца, не больно ей повезло, – казалось, что всё её тело покрывало стены и пол святилища. Собрать куски, что, когда принадлежали ей, было невозможно.

Ближе ко входу лежал купец: лица не было, а живот оказался аккуратно выпотрошен острыми когтями. В нескольких метрах от костра, который уже потух, лежала нетронутая дочь купца: четыре крупных когтя оставили на шеи девушки легкие глубокие раны.

– Медведь, – подумал Василий и с облегчением лёг рядом с костром, что почти угас.